

УДК 172.1

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_155

КОНЦЕПЦИЯ НЕНАСИЛИЯ ДЖУДИТ БАТЛЕР: ВЗГЛЯД ТЕОРЕТИКА ФЕМИНИЗМА НА ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НАСИЛИЕМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ*

Обзор книги: Butler, J. (2020). The force of nonviolence: An ethico-political bind. Brooklyn: Verso Books

Татьяна Николаевна Седых,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
tatiana_sedykh@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.10.2022, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Седых Т.Н. Концепция ненасилия Джудит Батлер: взгляд теоретика феминизма на проблемы борьбы с насилием в современном обществе // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 155–167. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_155

Аннотация

В фокусе внимания статьи находится книга The force of nonviolence: An ethico-political bind («Сила ненасилия: Сцепка этики и политики») американского профессора Джудит Батлер, известного политического философа, теоретика феминизма, создателя концепции перформативного гендера. В работе рассматриваются подходы к определению насилия, его разнообразные формы, описываются причины, которые в современном обществе считаются достаточным обоснованием для осуществления

* Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

© Седых Т.Н., 2023

насильственных действий. Особое внимание уделяется содержательной стороне теории ненасилия, которое трактуется не как отрицание принуждения, а как практика сопротивления различным формам насилия, способ перенаправить агрессию людей в целях утверждения идеалов равенства и свободы. Автор статьи анализирует общий концептуальный подход Дж. Батлер, делая акцент на проблемах неравенства и таком явлении, как фемцид, борьба с которым актуальна и для нашей страны, и для мирового сообщества в целом. Протест против насилия в отношении женщин рождает новые проекты и движения, которые ведут просветительскую работу, оказывают помощь пострадавшим, стремятся объединить людей из разных социальных слоев в борьбе с неравенством. По мнению американского философа, решить проблему насилия в обществе возможно только на основе политики равенства, для чего необходимо относиться к каждой жизни как ценности, независимо от пола, цвета кожи и социального статуса человека. Делается вывод, что концепция Дж. Батлер, кажущаяся на первый взгляд утопичной, в перспективе может стать фундаментом мировоззренческих трансформаций общества.

Ключевые слова:

концепция ненасилия, фемцид, насильственные действия, равенство, свобода, жизнь как ценность.

UDC 172.1

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_155

JUDITH BUTLER'S CONCEPT OF NONVIOLENCE: THE VIEW OF THE FEMINIST THEORIST ON THE ISSUES OF COMBATING VIOLENCE IN MODERN SOCIETY

Book review: Butler, J. (2020). *The force of nonviolence: An ethico-political bind*. Brooklyn: Verso Books

Tatiana N. Sedykh,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
tatiana_sedykh@mail.ru

Article received on October 27, 2022, accepted on March 7, 2023

For citation: Sedykh, T.N. (2023). Judith Butler's Concept of Nonviolence: the View of the Feminist Theorist on the Issues of Combating Violence in Modern Society. *Discourse-P*, 20(1), 155-167. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_155

Abstract

The article focuses on the book “The force of nonviolence: An ethico-political bind” by American professor Judith Butler, a famous political philosopher, feminist theorist, and creator of the performative gender concept. The study examines the approaches to the definition of violence, its various forms and describes the reasons that are considered sufficient justification for the implementation of violent actions in modern society. Particular attention is paid to the content side of the theory of nonviolence, which is interpreted not as a denial of coercion, but as the practice of resistance to various forms of violence, the way to redirect people’s aggression in order to assert the ideals of equality and freedom. The author of the article analyzes Butler’s general conceptual approach, emphasizing the problems of inequality and such phenomenon as femicide, the fight against which is relevant both for Russia and the entire world community. The protest against violence towards women gives birth to new projects and movements that conduct educational work, provide assistance to victims, and strive to unite people from different social strata in the fight against inequality. According to the American philosopher, the problem of violence in society can be solved only by implementing a policy of equality, which requires treating every life as a value, regardless of gender, skin color, and social status. It is concluded that Judith Butler’s theory, seemingly utopian at first glance, in the future may become the foundation of ideological transformations of society.

Keywords:

concept of nonviolence, femicide, violent action, equality, freedom, life as a value.

Введение

«Может ли женщина быть философом?» – вопрос, который обсуждается не одно столетие, но ответ на него, к сожалению, не для всех очевиден. Путь женщин в философии нельзя назвать простым: «В Европе на одном из средневековых богословских соборов дискутировался вопрос: «Человек ли женщина?». В XIX веке в России стоял вопрос: «Способна ли женщина к философии?» А в начале XX века все еще сравнивались умственные способности мужчин и женщин не в пользу последних» (Андреева, 2001, с. 176). Но даже признание за женщиной права заниматься философией не всегда позволяет женщине-философу стоять в одном ряду с философами-мужчинами. По словам М. Уайт, профессора философии Государственного университета Кливленда (США), «всегда существовало по меньшей мере два списка философов. Первый из них – список так называемых «великих». Исторически это те мужчины-философы, о которых мы не дерзнем умолчать во вступительных текстах. Во втором списке были «не такие уж великие мужчины». Есть и третий список – женщины. Большинство из них высоко ценили коллеги, и лишь для того, чтобы их впоследствии проигнорировали историки философии» (Waithe, 1994, p. 37). В настоящей статье мы сфокусируемся на новой работе американского профессора Джудит Батлер, чьи многочисленные труды являются ответом на сомнения в способности женщины заниматься наукой и философией.

Подход к определению понятий «насилие» и «ненасилие»

Представительница постструктурализма и теоретик феминизма Дж. Батлер внесла существенный вклад в изучение вопросов квир-теории, этики, литературоведения и политической философии. В своих работах она разрушает привычное нам бинарное восприятие гендера, вводит термин «перформативность» и открывает новые горизонты исследования человеческой идентичности. Каждая новая работа Батлер порождает большое количество дискуссий (и не только в научной среде) и даже способствует появлению новых дисциплин. В 2020 г. вышла в свет ее книга *The force of nonviolence: An ethico-political bind* («Сила ненасилия: Сцепка этики и политики») (Butler, 2020), которая представляет интерес как для научного сообщества, так и для всех интересующихся актуальными проблемами развития современного общества, и уже опубликована на русском языке (Батлер, 2022).

К теме насилия обращались многие мыслители, в том числе Ж. Деррида (Derrida, 1991), К. Шмитт (Schmitt, 2002), М. Фуко (Foucault, 1975), Дж. Агамбен (Агамбен, 2011) и др. Дж. Батлер представляет свой взгляд на проблемы насилия на нынешнем этапе развития общества. Опираясь на объемный пласт философских концепций (работы представителей немецкой классической философии, Франкфуртской школы, концепции фрейдистов, постструктуралистов и др.), она рассматривает насилие в его многочисленных сложных формах и высказывает предположение, что политика ненасилия должна закрепиться через разнообразие формы солидарности людей. По ее мнению, сегодня все политические силы (вне зависимости от идеологических предпочтений) готовы приводить аргументы «за» или «против» применения государством насилия для проведения социальных или экономических преобразований. Но все аргументы в дискуссии на данную тему не работают, если нет четкого понимания, что представляют собой насилие и ненасилие.

Устоявшиеся определения этих двух понятий привести крайне проблематично. Есть предположение, что насилием можно считать только физическое воздействие на другого человека. С другой стороны, есть мнение, что насильственным может быть признан даже определенный речевой акт. По мнению Батлер, физическое воздействие является наиболее наглядной формой насилия (поэтому привлечь к ответственности за подобные действия достаточно просто). Но существуют различные модели структурных или институциональных форм насилия, для которых однократное физическое воздействие не является ни показателем, ни достаточным основанием. В таком случае найти виновного и привлечь его к ответственности становится сложнее. Иногда власти считают призывом к насилию любое проявление политического инакомыслия, а демонстрации и собрания называются представляющими опасность для общества даже в тех случаях, когда их участники не стремятся прибегнуть к физическому воздействию. Для борьбы с этой «угрозой» государство, в свою очередь, использует разные формы насильственных действий (например, при помощи собственных или подконтрольных СМИ обозначает оппозиционные силы как опасные для граждан – готовые к применению насилия; ярким примером подобных насильственных действий могут служить события 2013 г. в Стамбуле). И, к сожалению, на текущий момент проблематично назвать государство, где

подобные формы насилия вообще не применялись. Как отмечает американский исследователь Ч. Редди (Reddy, 2011), в США господствует точка зрения, согласно которой государство гарантирует свободу от насилия. При этом оказываются допустимы (и даже необходимы) активные действия насильственного характера как против расовых меньшинств в собственной стране, так и против государств, характеризующихся как «иррациональные», не соответствующих определенным нормам и стандартам либеральной демократии. Социологи Стэнфордского и Мэрилендского университетов пришли к выводу, что все больше американцев готовы оправдывать применение насильственных методов для достижения политических целей¹.

В такой ситуации сложно дать четкое определение насилия, т. к. возникают проблемы различения собственно насильственных действий, различных форм их фальсификаций и инвертирования, а также структурных и системных форм насилия, использование которых связывают с необходимостью «ответа на агрессивные действия оппозиции» и собственно насилием не называют. Дж. Батлер в своей книге предпринимает попытку дать определение насилия и в том случае, когда оно используется для обозначения деятельности, направленной на отстаивание определенных политических интересов, и в том, когда обозначает насильственные действия со стороны государства. Но прежде всего философ анализирует причины, которые в обществе считаются достаточным оправданием для применения насильственных действий. Батлер отмечает, что представители левой части политического спектра в большинстве случаев утверждают, что подтолкнуть к насильственным действиям может необходимость самообороны. Чтобы понять эту позицию, необходимо знать, кто нуждается в защите. Если это мы сами, наши родственники, все, кто принадлежит к нашему окружению, нации или религии, или те, кто говорит с нами на одном языке, то сохранять жизнь мы будем лишь тем, кто на нас похож. В этом случае оправдание насилия ведет к возникновению неравенства: «свои» считаются достойными защиты, в то время как «чужие» нет. Таким образом, жизни людей, являющихся частью определенных групп, признаются ценными, о кончине таких людей мы будем сожалеть, тогда как жизни представителей других групп ценности якобы не представляют. Другим условием, которое по мнению левых оправдывает применение насилия, является необходимость демонтажа авторитарных и тоталитарных политических режимов. Но чтобы этот аргумент сработал, нам необходимо знать, что отличает насилие режима от насилия, направленного на его ликвидацию, поскольку такое различие можно провести далеко не всегда. Также необходимо ответить на вопрос, не превратятся ли на определенном этапе насильственные действия из формы борьбы с режимом в самоцель.

Еще одним популярным аргументом защитников применения насильственных методов в политической борьбе, к которому обращается Батлер, является утверждение, что все мы живем в мире, полном насилия, и наши действия так или иначе им обусловлены. Кроме традиционного заявления левых о необхо-

¹ Diamond, L., Drutman, L., Lindberg, T., Kalmoe, N.P., & Mason, L. (2020, September 10). Americans increasingly believe violence is justified if the other side wins. *Politico Magazine*. Retrieved June 7, 2022, from <https://www.politico.com/news/magazine/2020/10/01/political-violence-424157>

димости «борьбы с насилием» в революционных целях, существуют и более конкретные оправдательные стратегии: насильственные действия направлены против нас, поэтому наш «ответ» оправдан как против тех, кто осуществляет насильственные акты, так и против тех, кто их направляет. Аргументами в пользу необходимости отвечать насильственными действиями на насилие могут быть также утверждения: «другие делают это, и мы должны это делать»; «другие действуют против нас, и мы должны действовать так же во имя самосохранения». И если первое утверждение определенно является не вполне надежным обоснованием для применения насилия, то второе Батлер анализирует более подробно. По ее мнению, необходимо четко понимать, кто этот «я», который действует насильственными методами ради самосохранения. Не является ли этот «я» частью общей истории, земли, разнообразных социальных отношений, и как он может отделить себя от этой общности. Не является ли тот, кто совершает насилие, в каком-то смысле также частью «я», которое защищается посредством насильственных действий. Только ответив на эти вопросы и осознав, что все мы вовлечены в жизни друг друга, связаны определенными отношениями (как устойчивыми, так и изменчивыми), можно понять, что насилие по отношению к другому в конечном счете является насилием по отношению к самому себе, потому как поражает живые взаимосвязи, пронизывающие наш социум.

В то же время понятие «ненасилие» вызывает множество вполне устоявшихся ассоциаций, которые не вполне соответствуют действительности. Батлер пытается разорвать этот ассоциативный ряд и утверждает, что сейчас ненасилие следует понимать не столько как моральную позицию, занимаемую отдельными лицами по отношению к области возможных действий, сколько как социальную и политическую практику, осуществляемую совместно, направленную на сопротивление системным формам разрушения, на построение мира, где понимают и уважают принципы глобальной взаимозависимости, которая воплощает в себе идеалы экономической, социальной и политической свободы и равенства.

Философ обращает внимание, что ненасилие зачастую является выражением эмоционального состояния человека, его ярости, негодования, и ненасильственные формы сопротивления факторам, порождающим такую реакцию личности, могут и должны агрессивно применяться. Поэтому словосочетание «практика агрессивного ненасилия» не содержит в себе противоречий. Очевидно, что ненасилие – это идеал, который не всегда может быть реализуем на практике (и даже тот, кто является сторонником ненасильственного сопротивления, в определенный момент вступает в физический контакт, противопоставляя свою силу силе противника, что заставляет нас тщательно обдумывать направленность силового воздействия и учиться четко различать применение физической силы и насилие). Но важно понимать, что ненасилие – это не бездействие, а утверждение жизненных требований, которое проявляется в речи, жестах, поступках и направлено на переосмысление жизни как ценности, утрата которой достойна сожаления и скорби. Ненасилие лучше всего характеризовать как практику сопротивления, которая становится возможной (и даже обязательной) именно в тот момент, когда насилие кажется наиболее оправданным и очевидным. Это сопротивление призвано не только остановить насильственные действия, но и требует определенных поступков, иногда агрессивного характера.

Таким образом, мы можем думать о ненасилии не просто как об отсутствии насилия или как о способе, который поможет удержать от использования насильственных действий, а как о важном пути перенаправления агрессии в целях утверждения идеалов равенства и свободы. По причине того, что ненасилие не имеет смысла без стремления к равенству. В нашей жизни мы часто видим, а порой и не обращаем внимания на проявления расизма, ксенофобии, гомофобии, мизогинии, игнорирование проблем бедных и обездоленных. В современном мире ценность жизни людей разного социального положения и достатка неодинакова, вплоть до того, что не всегда фиксируются случаи, когда люди получают ранения или погибают. Тогда как на самом деле любая жизнь имеет ценность и любая потеря достойна сожаления и скорби. Нам необходимо осознать важность социальных связей и взаимозависимости всех членов общества для понимания равенства всех людей и возможности применения ненасильственных средств для решения споров и противоречий. Как отмечает Батлер, в настоящий момент взаимозависимость и равенство людей отрицаются как на личном, так и на международном уровнях. Тогда как на самом деле никто и никогда не остается «сам по себе», потому что человек зависит от мира, в котором он живет, его экономических и социальных структур, окружающей среды. Развитие человека, уровень его жизни тесно связаны с ростом и развитием других форм жизни. Человеческое и нечеловеческое тесно связаны друг с другом.

В связи с этим необходимо учитывать, что мы не являемся автономными существами, а существуем только до тех пор, пока существует планета. То, что верно для человека, верно и для всех живых существ, которые нуждаются в нетоксичной почве и чистой воде для продолжения жизни (Haraway, 2007). Если кому-то из нас предначертано жить и процветать, это будет не жизнь, прожитая в изоляции, но жизнь с другими, которая не является жизнью без этих других. Именно такое совместное общежитие и дает возможность не утратить свое собственное «я»: мы его не потеряем, а окружающий мир будет нас поддерживать и трансформировать посредством нашей связи с другими людьми и иными формами жизни. Как подчеркивает Батлер, «я» нуждается в «ты», чтобы выжить и процветать. И «мы» нуждаемся в окружающем нас мире. Эти отношения философ берет за основу для рассуждения об обязательствах ненасилия, которые мы несем по отношению друг к другу: я не могу жить, не контактируя и не осуществляя коммуникацию с некоторой группой людей. Узлы, которые в планетарном масштабе связывают всех нас, могут нами не вполне осознаваться, быть хрупкими и своей основой иметь преимущественно сложившиеся отношения между различными государствами. Но эти связи могут быть укреплены через трансверсальные формы солидарности, которые ставят под сомнение важность и нужность применения насилия. Наше понимание себя как самостоятельных и самодостаточных субъектов – лишь видимость, в которую мы хотим и рады верить. Взаимозависимость делает нас уязвимыми, и эта уязвимость является особенностью отношений, которые связывают людей друг с другом и с институтами и структурами, от которых зависит продолжение нашей жизни. Также и в международных отношениях не все страны признают взаимозависимость на экономическом, политическом и культурном уровнях. Батлер подчеркивает, что именно отрицание этих взаимосвязей на межгосударственном уровне

не дает возможности убедить правительства некоторых стран (например, США) признать тот факт, что существуют не только их права, но и соответствующие обязательства. Эти обязательства должны иметь наднациональный характер, пересекать границы и касаться всего населения планеты, т. к. признание взаимозависимости – это необходимое условие равенства. Поэтому, если возникнет вопрос, почему мы должны заботиться о том, кто не является нам близким, то логичным обоснованием будут отношения взаимозависимости, которые пронизывают наш мир.

Насилие в современном мире, его виды и способы борьбы с ним

Настоящее время можно назвать временем бессмысленных смертей и жестокости. Поэтому возникает закономерный вопрос о способах предотвращения насилия. Скорее всего, прозвучат мнения, что на государственном и международном уровнях необходимо выявить те группы людей, которые более всего уязвимы, и сделать все для их защиты. Но, как считает Дж. Батлер, это не может решить проблемы. Попытки государства защитить определенные слои населения, которые мы можем назвать «уязвимыми» и к которым можем отнести женщин, мигрантов, жертв современного расизма, не учитывают способность и желание этих людей бороться, проявлять не только слабость, но и объединяться ради сохранения собственных жизней.

Особо актуальной является проблема фемцида (англ. *femicide*)². В России в 2021 г. его жертвами стали почти 1300 женщин³, а в Латинской Америке эта цифра уже несколько лет почти в три раза выше⁴. Весьма логичен в этой связи подъем движения *Ni una menos*, которое мобилизует более миллиона женщин по всей Латинской Америке, а также в Испании и Италии на протесты против насилия machistas. В этом же ключе можно расценивать появление в 2019 г. первого российского антифемцидного проекта, который был начат активистками Московского женского музея. Новым направлением российского женского гражданского активизма являются «кризисные центры для женщин, пострадавших от насилия и других форм дискриминации... Центры активно действуют в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Нижнем Новгороде и других крупных городах, к их деятельности подключаются органы социальной защиты населения. Однако на периферии деятельность кризисных центров пока не получает должного распространения» (Хасбулатова, 2019, с. 20). Подобные центры, проекты и движения ведут активную работу, в том числе просветительскую, как в учебных заведениях, церковных организациях, так и в интернет-пространстве, пытаясь объединить женщин из разных общественных слоев для противодей-

² Встречается также написание «феминицид» (исп. *feminicidio*). Под феминицидом понимается убийство женщин мужчинами, потому что они женщины (Russell & Harnes, 2001).

³ Доклад *Femicid.net* для ООН (2022, 19 января). Взято 18 октября 2022, с <https://www.wmmsk.com/2022/01/un2022/>

⁴ *Killings of women and girls by their intimate partner or other family members. Global estimates 2020* (2021, November). Retrieved September 17, 2022, from https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/crime/UN_BriefFem_251121.pdf

ствия распространению насилия, для борьбы с неравенством и предотвращения убийств на гендерной почве.

Часто о подобных преступлениях, имеющих прежде всего гендерную основу, говорят как об исключительных событиях, которые становятся настоящими сенсациями. Такие новости повергают общественность в шоковое состояние. При этом мы не знаем реального количества подобных преступлений и не анализируем сложившуюся ситуацию с точки зрения существующих в нашем обществе серьезных системных проблем, являющихся во многом причиной подобного положения женщин. Как отмечают Т.К. Ростовская и Н.А. Безвербная, «говоря о масштабах распространенности семейного насилия в Российской Федерации, нужно заметить, что поступающие из разных источников сведения зачастую противоречат друг другу, т. е. сбор статистики ведется, но его критерии остаются неясными. Сбор статистических данных значительно ухудшился из-за принятия Закона о декриминализации побоев в семье. <...> По данным экспертных оценок, около 70–90% женщин, страдающих от домашнего насилия, не обращаются за помощью в полицию и, таким образом, их данные не попадают в официальную статистику МВД» (Ростовская, Безвербная, 2020, с. 94).

Мы не замечаем, а зачастую и сознательно игнорируем проблемы всего общества в целом, когда характеризуем мужчин, совершивших подобные преступления, исключительно как людей, страдающих серьезными психопатическими расстройствами личности, или рассматриваем произошедшую трагедию как исход борьбы «конфликтующих сил Вселенной» (Butler, 2020, p. 146). Дж. Батлер соглашается с профессором из Коста-Рики М. Сагот, специализирующейся на гендерной социологии, которая считает, что насилие в отношении женщин не только приводит к системному неравенству между мужчинами и женщинами во всем обществе, но и есть проявление террора – наследия диктаторской власти и военного насилия, которые общество пережило в прошлом (Sagot, 2000, p. 96). Преступления, совершенные на гендерной почве, не следует объяснять индивидуальными характеристиками преступника, различными патологиями или просто проявлением мужской агрессии. По мнению М. Сагот, подобные насильственные акты (убийства, домогательства, побои) необходимо рассматривать с точки зрения распределения в обществе определенных ролей и неуклонного следования однажды установленным «правилам игры», что в конечном счете проявляется в крайних формах сексистского террора. Кроме этого, очень важно учитывать атмосферу страха, в которой женщины вынуждены жить постоянно. Они запуганы и вынуждены подчиняться всем требованиям мужчин, потому что живут согласно принципу «подчинись или умри». Такое положение зачастую поддерживается и усиливается судебной системой и органами полиции, которые отказываются от преследования, не признают преступный характер насильственных действий в отношении женщин⁵. Убийства в подобной ситуации – это совершенно определено насильственный акт. Их могло бы быть меньше, если бы не те, кто отвергает преступление, обвиняет жертву или

⁵ *Women as victims of partner violence. Justice for victims of violent crime. Part IV* (2019). Luxembourg: Publications Office of the European Union. Retrieved October 8, 2022, from https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/fra-2019-justice-for-victims-of-violent-crime-part-4-women_en.pdf

патологизирует убийцу в духе оправдания. Потому актами насилия мы можем назвать также и отказ обозначить происходящее именно этим термином, отказ считать свершившееся насилие преступлением, которое требует соответствующего наказания и возмещения.

Дж. Батлер утверждает, что борьба женщин против фемицида тесно связана с борьбой за жизнь тех, кто подвергается насилию во всем мире: мигрантов, афроамериканцев, квилов, тех, кто считает себя подавляемыми гетеронормативностью общей культуры. Как подчеркивает философ, акт насилия приводит в действие определенные механизмы, которые поддерживают и постоянно воспроизводят сложившийся в обществе порядок. Вот почему необходимо видеть и анализировать не отдельные насильственные акты, а представлять масштаб происходящих трагедий, включая убийства в тюрьмах и на улицах, совершенные в том числе и полицейскими. Новые, якобы продиктованные соображениями безопасности и необходимые для «защиты» людей от насилия, полномочия полиции и вооруженных сил на самом деле все больше ограничивают тех людей, которых призваны защищать. Что-то подобное, по мнению Батлер, происходит и тогда, когда мы, пытаясь защитить людей от насилия, выделяем «уязвимые группы населения» и с удивительной настойчивостью с этой уязвимостью боремся, иногда используя в этой «борьбе» очень агрессивные методы. Такой подход ошибочен, т.к. настоящее состояние тех, кого мы считаем уязвимыми, может включать в себя также ярость, настойчивость и сопротивление. Было бы неразумно извлекать уязвимость из этого созвездия, хотя «действительно, уязвимость понижает и обуславливает социальные отношения, и без этого понимания у нас мало шансов добиться равенства, к которому мы все стремимся» (Butler, 2020, p. 149). Признание уязвимости не как главной характеристики человека, а в качестве признака социальных отношений выносит это понятие из критериев для определения идентичности, а также основания для осуществления политического действия. Принятие условия своей уязвимости становится своего рода силой, отличающейся от той, которая отстаивает силу как неуязвимость, потому как разнообразным формам господства и подчинения противопоставляет солидарность и трансформирующуюся общность. Аналогичным образом предубеждение против ненасилия как пассивного и бесполезного неявно зависит от гендерного разделения признаков, при котором мужественность означает активность, а женственность – пассивность. Как подчеркивает Батлер, сила ненасилия заключается в способах сопротивления той форме насилия, которая регулярно скрывает свое истинное имя. Ненасилие разоблачает уловку, с помощью которой государственное насилие защищает себя от людей с другим цветом кожи, квилов, мигрантов, бездомных, инакомыслящих, которые по «соображениям безопасности» должны быть задержаны, заключены в тюрьму или изгнаны. Деструктивному насилию ненасилие противопоставляет союзы сопротивления и настойчивости, которые оказываются активной силой. По мнению философа, отказ – это не бездействие. Например, гражданское неповиновение может показаться простым «отказом», но оно делает публичным соображение о том, что система несправедлива. Бойкотировать режим, который допускает бесправие даже небольшой части граждан страны, означает утверждать несправедливость режима, отказываться признавать его преступность как норму.

Заключение

Для того чтобы наша жизнь подчинялась не только логике войны, которая проводит различие между жизнью, которую стоит сохранить, и жизнью, которая считается несущественной, мы должны настаивать на политике равенства. И вмешательство во все сферы общественной жизни для утверждения на всех уровнях мысли о ценности жизни каждого человека необходимо. Требование признания каждой смерти достойной сожаления – это еще один способ сказать, что человек должен иметь возможность жить, не подвергаясь насилию, системному забвению или военному уничтожению. Мы не обязаны любить друг друга для того, чтобы быть сплоченными. Мы боремся за то, чтобы оставаться вместе, чтобы не разрушить существующее пока единство. И в этом случае именно ненасилие становится для нас возможностью сказать: «Ты важен, потеря тебя невыносима; и я хочу, чтобы ты жил; я хочу, чтобы ты хотел жить, воспринимай мое желание как свое собственное, ибо твое уже мое» (Butler, 2020, p. 158). «Я» не являюсь тобой, но не мыслю себя без «тебя». На последних страницах своей работы философ призывает читателя (независимо от того, охвачен он гневом или любовью) надеяться, что мы сможем жить так, чтобы быть с живыми, помнить о мертвых, действовать вместе, быть сильными в тяжелые времена, упорными в преодолении препятствий. Безусловно, подобный подход можно назвать утопичным, а Дж. Батлер и ее убежденность в силе ненасилия современные скептики упрекнули в чрезмерной вере в человека и его возможности противостоять искушениям, преодолеть тягу к насилию как таковому. Но сложно не согласиться с тем, что предложенный путь – одна из немногих возможностей для человечества выжить, построить новый тип общества на основе выдвижения понятных целей и ценностей, которые будут не рекламными декларациями, а, имея основой фундаментальные смыслы, станут настоящей мобилизующей силой жизни.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. (2011). *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
2. Андреева, И.С. (2001). Ванчугов В.В. Женщины в философии: из истории философии в России XIX – нач. XX в. М., 1995. 300 с. (Обзор книги). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал*, (4), 176–182.
3. Батлер, Дж. (2022). *Сила ненасилия: Сценка этики и политики*. М.: Издательский дом ВШЭ.
4. Ростовская, Т.К., Безвербная, Н.А. (2020). Насилие в отношении женщин: мировые тенденции. *Женщина в российском обществе*, (2), 89–98. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.8>
5. Хасбулатова, О.А. (2019). Женское движение в современной России. *Женщина в российском обществе*, (3), 14–26.
6. Butler, J. (2020). *The force of nonviolence: An ethico-political bind*. Brooklyn: Verso Books.

7. Derrida, J. (1991). *Gesetzeskraft. Der "mystische grund der autorität"*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
 8. Foucault, M. (1975). *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris: Gallimard.
 9. Haraway, D. (2007). *When species meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
 10. Reddy, C. (2011). *Freedom with violence: Race, sexuality, and the US State*. Durham: Duke University Press.
 11. Russell, D., & Harmes, R. (2001). *Femicide in global perspective*. New York: Teachers College Press.
 12. Sagot, M. (2000). *Ruta critica de las mujeres afectadas por la violència intrafamiliar en América Latina: Estudios de caso de diez países*. Organización Panamericana de la Salud.
 13. Schmitt, C. (1963). *Der Begriff des politischen*. Berlin: Duncker & Humblot.
 14. Waithe, M. (1994). *A history of women philosophers* (Vol. 3). Cleveland: Cleveland State University.
-

References

1. Agamben, G. (2011). *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer. Sovereign power and bare life]. Moscow: Evropa.
2. Andreeva, I.S. (2001). Vanchugov V.V. Zhenshchiny v filosofii: iz istorii filosofii v Rossii XIX – nach. XX v. M., 1995. 300 s. (Obzor knigi) [Vanchugov V.V. Women in philosophy: From the history of philosophy in Russia in the 19th and early 20th centuries. Moscow, 1995. 300 p. (Book review)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya. Referativnyy zhurnal*, (4), 176–182.
3. Butler, J. (2020). *The force of nonviolence: An ethico-political bind*. Brooklyn: Verso Books.
4. Butler, J. (2022). *Sila nenasiliya: Scepka e'tiki i politiki* [The force of nonviolence: An ethico-political bind]. Moscow: Izdatel'skiy dom VShE'.
5. Derrida, J. (1991). *Gesetzeskraft. Der "mystische grund der autorität"* [Force of law. The "mystical foundation of authority"]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
6. Foucault, M. (1975). *Surveiller et punir: Naissance de la prison* [Discipline and punish: The birth of the prison]. Paris: Gallimard.
7. Haraway, D. (2007). *When species meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
8. Khasbulatova, O.A. (2019). Zhenskoe dvizhenie v v sovremennoj Rossii [Women's movement in modern Russia]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, (3), 14–26.
9. Reddy, C. (2011). *Freedom with violence: Race, sexuality, and the US State*. Durham: Duke University Press.
10. Rostovskaya, T.K., & Bezverbnaya, N.A. (2020). Nasilie v otnoshenii zhenshchin: mirovye tendencii [Violence against women: Global trends]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, (2), 89–98. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.8>
11. Russell, D., & Harmes, R. (2001). *Femicide in global perspective*. New

York: Teachers College Press.

12. Sagot, M. (2000). *Ruta critica de las mujeres afectadas por la violència intrafamiliar en América Latina: Estudios de caso de diez países* [The critical path of women affected by family violence in Latin America: Case studies from 10 countries]. Organización Panamericana de la Salud.

13. Schmitt, C. (1963). *Der Begriff des politischen* [The concept of the political]. Berlin: Duncker & Humblot.

14. Waithe, M. (1994). *A history of women philosophers* (Vol. 3). Cleveland: Cleveland State University.

Информация об авторе

Татьяна Николаевна Седых, кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права, философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3746-0660>, e-mail: tatiana_sedykh@mail.ru

Information about the author

Tatiana Nikolaevna Sedykh, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3746-0660>, e-mail: tatiana_sedykh@mail.ru